

Рядом с интересным собеседником

«Мастерская Бибикова и Пыжовой», «учились у Бибикова и Пыжовой» — эти слова часто услышишь в театральных и кинематографических кругах. Причем произносятся имена Бориса Владимировича Бибикова и Ольги Ивановны Пыжовой с неизменным уважением, с глубокой признательностью.

В их квартире на Фрунзенской набережной всегда полно молодежи. Тут спорят, сдают зачеты, делаются горестями и просто пьют чай. Войдем и мы в дом, хорошо знакомый нескольким поколениям артистов. К сожалению, хозяйке сегодня нездоровится. В нашей беседе участвует только Борис Владимирович.

— Борис Владимирович, как вас рекомендовать читателю?

— Вы собираетесь поставить рубрику, которая выше всех титулов: интересный собеседник! Очень боюсь, что не покажусь нашим читателям таким собеседником...

— Об этом пусть судит публика, как любят говорить ваши воспитанники накануне выхода нового фильма. Значит, я пишу: профессор лауреат Государственной премии...

— Ну хорошо. Еще заслуженный деятель искусств Таджикской ССР и Башкирской АССР, заслуженный артист Кара-Калпакской АССР. Не улыбайтесь, это все. Вот у Ольги Ивановны подобный список действительно выглядит очень пышно. Ведь она вела долгие годы в общей сложности четырнадцать национальных студий!

— Вы преподавали во ВГИКе и ГИТИСе, десятки раз заседали в приемных комиссиях. Весь путь ваших учеников в искусстве — от смутных мечтаний юности к высотам популярности — проходил перед вами, на ваших глазах и при вашем непосредственном участии. Довольны вы ими? Удачно ли складываются их дальнейшие судьбы?

— У тех, кого я знаю по ГИТИСу, судьбы обычно благополучнее, ровнее. Из наших с Ольгой Ивановной выпускников образовались даже целые театры в республиках, а там, где есть единомышленники, воспитанники одной школы, бывают очень интересные результаты. Да и вообще театр, постоянно работающий организмом, предоставляет актеру большую, чем в кино, возможность «самому ковать свое счастье».

— Не потому ли так держатся за театр-студию все киноактеры: едва над ним нависает угроза, они поднимаются как один...

— Да, конечно. Это для них и отдушнина, и тренаж... Поверьте, только актер очень хорошей «технической оснастки» может преодолеть главное зло кинематографа — отсутствие репетиционного периода, постепенного вхождения в образ. Именно поэтому так хотелось дать ученикам крепкую профессиональную основу. Станут ли они большими актерами — это уравнение со многими неизвестными, но вот научить их самостоятельно работать, искать у жизни ответа на все творческие проблемы, научить добиваться, «дотрудиться», как говорил К. С. Станиславский, — наша обязанность.

— Все ли, чему вы их учили, пригодились им в жизни?

— Думаю, что ненужного, лишнего не было. Другое дело, что в процессе обучения мы развиваем разные стороны дарования, а впоследствии творческая жизнь складывается иногда односторонне.

— Например, «голубые» роли молодого Тихонова?

— Да, но я даже не о штампах, на которые толкают молодого актера режиссеры — иные по неопытности, иные по неумению. Я о том, что редкая актерская судьба позволяет проявить все, что заложено в природе дарования. Ведь тот же Тихонов, давно уже миновавший безликий «голубой период», сыгравший уже и колхозника Матвея («Дело было в Пенькове»), и князя Болконского («Война и мир»), и учителя Мельникова («Доживем до понедельника»), по моему глубокому убеждению, еще не создал роли, в которой бы был он весь. Я хорошо помню, как он интересно сыграл в выпускных спектаклях три роли молодых людей, совершенно различных по своему характеру, нашел для каждой точный и тонкий рисунок.

Второй пример — Руфина Нифонтова. Удачная и в кино, и в театре судьба, но мы-то с Ольгой Ивановной помним ее самостоятельную студенческую работу — отрывок из «Без вины виноватых». Она выбрала не Кручинину, не Коринкину, а старую полусумасшедшую нищенку, Галчиху. Это было смело, остро, своеобразно. Когда я теперь смотрю на Руфу в ее ролях красивых женщин-героинь, я думаю и о тех творческих возможностях ее богатой индивидуальности, которые несомненно проявятся, не могут не проявиться.

Безусловно, способно на гораздо большее, чем то, что они сделали, и талантливые Майя Булгакова, Катюша Савинова. Кто, по-моему, пошел дальше, чем можно было предположить по студенческим годам, — это Леня Куравлев. Я очень ценю его за работоспособность, за эту

воет неистребимую жажду совершенствования. Я, может быть, пристрастен, но сейчас считаю Куравлева явлением в кинематографе. Смотрю «Старшую сестру» и даже у прекрасных Дорониной и Жарова ощущаю налет некоторой театральности, а Куравлев предельно естествен, прост. Это настоящий кинематограф.

Вообще нет большего наслаждения для педагога, чем видеть ученика в расцвете сил и таланта. Недавно получила звание заслуженной артистки республики Валентина Владимировна. Сколько достави-

создателя. А этого недостаточно даже для того, чтобы приобщиться к нему в качестве зрителя. Умный, серьезный зритель тоже влияет на судьбы искусства, на ход его развития. Надо стремиться стать таким человеком! Жаль, что никто им об этом не говорит.

— Говорят! Одна только наша редакция ответила на бесчетное количество вопросов «что нужно для того, чтобы стать актрисой?» именно в этом духе.

— Юность самонадеянна. Всех убедить не удастся, но убеждать надо. Потому что стать актером по профессии, не будучи актером по призванию, — несчастье. Иногда непоправимое.

— Вот вы говорили о квалифицированных консультациях. А как судят о наличии или отсутствии актерской одаренности?

— Если поступающий, читая басню, стихи, прозу, ясно представляет, даже как бы видит то, что он читает, он умеет вызвать в воображении слушателя свои представления. Значит, наличие качества, необходимого артисту.

Вот помню такой случай. Скром-

очень горячо всюду доказывал, что родился для роли Тристана, что она принадлежит ему по праву, что у Лопе де Вега написан именно такой Тристан, каким он его мыслит. И вдруг перед самой генеральной репетицией заболел Орлов. Потребовался срочный ввод — тот самый «случай». И что же? Претендент не знал ни одной мизансцены, просто текста не знал! Суфлеров для него посадили где только можно, но он все равно вместо фразы «две тысячи эскудо» сказал «две тысячи паскудо» и сделал таким образом вклад в устный сборник театральных анекдотов.

— Итак, быть всегда начеку, не снижать требовательности к себе. Кодекс не из легких. Все ли будущие актеры собираются строить по нему жизнь? Или в студенческие годы это еще не ясно?

— Конечно, самостоятельная жизнь в искусстве еще многому научит одних и, может быть, избалует, испортит других, но чаще всего нравственные и профессиональные основы, заложенные в вузе, остаются. Решают здесь, во-первых, уровень преподавания, автори-

СУДЬБА АКТЕРА — КТО ЕЕ ВЕРШИТЕЛЬ?

ла она нам тревог! Стоял вопрос о ее профпригодности, потому что у нее было заболевание голосовых связок. Ей понадобилось много настойчивости и упорства, чтобы победить болезнь, проявить свое дарование.

— Какая все-таки ответственность — решать, есть ли у молодого человека будущее в искусстве, состоится ли его судьба. Сотням юношей и девушек с горящими глазами, бредящим искусством, вы говорите: нет, у вас нет надежды.

— Отказывать тяжело. Это как рыбаку вытаскать пустую сеть. Вот возьмите любой другой вуз — там от поступающего на экзаменах требуют то, что он обязан знать по программе. Слышите, как сами слова «требуют» и «обязан» четко определяют отношение между комиссией и абитуриентом. Без сантиментов. У нас же совсем другое. Мы ищем в человеке талант или зачатки таланта, и ведь так хочется найти! Душевный контакт, пусть самый краткий, совершенно необходим. Нужно расположить к себе новичка, позволить ему показать лучшее, на что он способен. Ну а если не способен...

— И много таких? Бывает ли, что можно бы и принять, но дело в нехватке мест?

— Да. Годы, как ни странно, бывают более урожайные и менее урожайные. В «урожайный» год за бортом может остаться человек интереснее, ярче, чем тот, который окажется принятым на следующий год. Но этого, пожалуй, не стоило бы говорить, и так слишком многие абитуриенты тратят несколько драгоценных лет, чтобы снова и снова представлять перед столом приемной комиссии. И ведь никого не слушают. На последних экзаменах встретил девушку — она прилетела с Камчатки. Папа ее привез. Он военный моряк. Я как представил себе эти десятки тысяч километров, пропустил на второй тур, хотя с самого начала все было ясно. Смалодушничал — пусть, мол, не от моей руки... Конечно, девочка не пришла. Я вот часто думаю: как, почему они решают, что родились для сцены или для экрана? Жаль искренне заблуждающихся. И все же благо, если их иллюзии разбиваются сразу, при первой пробе сил. Если бы у девочки с Камчатки была возможность получить квалифицированную консультацию на месте, не понадобилось бы ехать в такую даль.

— И все же в любом случае отказ от мечты — травма.

— Умный воспитатель сумеет ввести все в правильное русло. Из детской болезни «хочу в актеры» можно извлечь и пользу: приохотить дочь или сына к театру, к чтению книг по искусству, к серьезному чтению вообще. Ведь к нам нередко приходят абитуриенты, знающие Шекспира и Льва Толстого только по кинофильмам. Вся их эрудиция в длинном перечне просмотренных картин. Этого, по моему мнению, достаточно, чтобы приобщиться к искусству в качестве его

ненькая беленькая девушка читала отрывок из «Войны и мира» (пляска Наташи). Я слушал хорошо знакомый отрывок, как бы заново. Она так читала, а вернее, рассказывала, словно сама была свидетельницей этой сцены.

На последнем туре она читала значительно хуже и в ГИТИС не пошла. Грустная, уходила она из института. Я ее окликнул: «Нина, советуем вам пойти во ВГИК, там экзамены еще не начались, попытайтесь». Во ВГИК она поступила! Вы ее, наверное, знаете: речь идет о Нине Меньшиковой.

— Стало быть, доброжелательность и участие просто «выгодны» — помогают избежать потерь в искусстве.

— Безусловно. Но участие — не жалость, не простое сочувствие. Пусть вас не смущают мои суровые высказывания. Я, как все мои коллеги, по-доброму и с интересом вглядываюсь в племя «младое, незнакомое». Люблю посидеть на лавочке среди абитуриентов, они меня не знают, думают, может быть, девушка пришел «поболеть» за внучку. Слышали бы вы, как строго и беспощадно судят эти мальчики и девочки и актеров, и режиссеров. Они уверены, что с их приходом наступит новый этап в театре, в кинематографе.

Но есть в этой массе и другого рода «отрицатели». О путях к успеху, к славе они судят цинично и глубоко неверно. Что из них выйдет?

Видите ли, принимая студента, мы не можем проверить его на главное качество — на трудолюбие. Пушкин определял талант как «предрасположение к труду». Многим же студентам больше по душе горьковские слова: «Талант — это вера в себя». Но вера в свои силы и самоуверенность — понятия различные.

— А вы их готовы к тому, что, несмотря и на одаренность, и на трудолюбие, и на серьезное отношение к искусству, судьба актера может зависеть от случая?

— Случайность... Лотерея... Повезло — не повезло. Все это бывает, спорю нет. Но свою жизнь в искусстве никто не может, не должен строить в расчете на фортуны. Надо быть всегда во всеоружии, не прекращать работать. Вл. И. Немирович-Данченко сказал однажды о молодом артисте А. М. Азарине: «Из него выйдет актер. Он ходит на чужие репетиции». Это очень точное замечание.

Ходить на репетиции, в которых не занят сам, жить спектаклем, фильмом, а не собственной ролью в нем, брать уроки мастерства везде, где только можно взять, по крупице накапливать золотые запасы — это и значит подчинить себе фортуны.

Когда у нас Мордюкова, Тихонов, Носова со студенческой скамьи были приглашены С. А. Герасимовым в картину «Молодая гвардия», это предварительно долго обсуждалось. Прибавьте к этому, что мы отдавали ребят в руки не просто режиссера, а режиссера-педагога, он таким образом продолжал и учебный процесс. И, кроме того, фильм «Молодая гвардия» рождался из одностороннего спектакля, то есть был репетиционный период почти полтора года!

А сейчас... Они выйдут из аудитории в коридор, а их там пальцем малят многоопытные помережи. У студента сердце и замрет: вдруг повеет!

— Так и «входят в обиход»? — Да, есть такое выражение. Снимаются много, без разбору, получают обильные предложения. Потом «выпадают из обихода». И если к этому времени за душой ничего, тогда конец. Профессионал уверен в себе даже в черные дни, даже в полосы неудач. С ним — его умение. Станиславский говорил, что вся его система существует на несчастный случай. Когда роль получается, не надо никакой системы. А когда нет?

— Трудной, рискованной профессии вы учитесь, Борис Владимирович.

— Говорят же: искусство — ежедневный подвиг. Тут неожиданно загорается Ольга Ивановна:

— Я вот этих утверждений о подвижничестве никогда не признавала. «Ах, я жертвую всем для искусства!». Разве мать жертвует собой для своего ребенка? Она просто живет для него, ощущает его и себя как неразрывное целое: надо будет — жизнь отдаст, а пока что не забудет, что его надо каждый день кормить, поить, учить, радовать.

По-моему, преданность искусству должна быть сродни такой любви.